

ПЁТР МАТЮКОВ

ЭТО ИДЁТ СТРАНА

ВИДЕНИЕ

Чапаев стучит костяшками
Потом пинком открывает дверь
Выглядит так как будто ходил за тридевять с лишним земель
Охранники клуба катаются воют держатся причинных мест
С Чапаевым связываться не стоит Чапаев глядит окрест
В клубе музыка и дурманы розовые миры
Но кто-то кричит смотрите парни какое-то Че С Горы
И кто-то смотрит ловит глазами жесты его руки
И даже придерживает заранее зачем-то свои портки
Чапаев медленно выговаривает странное слово засим
Чапаев медленно устанавливает на барную стойку "Максим"
Чапаев не страшный одет не в чёрное нету при нём косы
Но строчит пулемёт строчит пулемёт смеётся Чапаев в усы
И пули летят размазанным веером в телах прожигают путь
Пули насквозь пробивают доллары толкают бумагу в грудь
Выходят из тела летят в офшоры в подставные счета
Строчит пулемёт и как бы считает тщета тщета тщета
Во рту у Чапаева водоросли в глазах русская печь
Он мог бы забить на всё на это и просто на дно залечь
Чтобы спокойно вести беседы с одним утонувшим бобром
Да вот бобёр проболтался ему про Россию нефть и Газпром

МАТЮКОВ Пётр Юрьевич родился в 1971 году, живет в г. Бердске Новосибирской области. Работает программистом, пишет стихи и прозу. Участник Совещания сибирских авторов 2016 года, лауреат семинара "Третья Столица 2016", секция журнала "Наш современник".

И когда кончается пулемётная лента как припас на посту
Чапаев сворачивает самокрутку вдыхает дым в пустоту
Потом выходит в московскую ночь тянется дымный нимб
И он идёт к новому клубу и Петька идёт с ним

ТРЕТИЙ РИМ

И он приходит на булыжную площадь,
В устье каменных рек,
Солнце катится ему за голову,
Выкатывается из-под век,
Люди останавливаются, толпятся,
Окружают со всех сторон,
Потому что — вот он, и каждому ясно,
Что он — это точно он.
Устраивают помост.
Он выходит,
Говорит в микрофон: “Привет!
Я так хотел сказать вам это
Две тысячи с лишним лет.
Мне столько надо ещё сказать —
Словам так тесно в груди,
И каждого выслушать и понять...”
А они говорят: “Погоди!”
А они ему говорят: “Смотри,
Это же Третий Рим!
Да знаешь ли ты, какой здесь ритм?
Здесь такой ритм!
Здесь машины, компьютеры, скорости,
Бег дотла!
У нас электронная очередь,
У нас дела.
Давай обойдёмся без лишних слов,
Как фейс-контроль в клуб,
Кстати, мы заготовили трубы,
Вроде не было слышно труб”.
И происходит большое движенье,
И слышится гул и треск,
И вот уже верёвками тянут
На Лобное место крест.
И тогда, чтобы каждому было ясно,
Он так говорит им:
“Вот вы твердите, но я это знаю —
Да, это Третий Рим!”
И слова его, сказанные без микрофона,
Катятся, как камни с горы.
И откуда-то, гораздо выше вершины,
Вторят ему хоры.
Слова его горьки, и с каждым словом
Колышутся в глазах моря:
А ведь это, может быть, третья по счёту,
Третья уже Земля...

БАРСУЧИЙ ТРАКТ

Идут, идут и идут на барсучий лад,
Бесконечной колонной, тесно сомкнув ряды,
Бесконечный топот дружных когтистых лап,
Трамбующих древний хребет Уральской гряды.

Выходит один из строя — потрёпан, суров,
С коротким хвостом (похоже, кто-то отгрыз):
— Ну что, — говорит, — Гамельнский крысолов,
Решил и до нас добратся? Мало детей и крыс?

Вот я и думаю: что же сказать в ответ?
А он смотрит мимо, как из-подо льда минтай.
— Нет, — говорю, — у меня ведь и дудочки нет —
Только свисток затоптанного мента.

Кивает, прячет нож движеньем одним —
Не углядеть, в стычках наловчился, поди.
Я говорю ему: “Слушай, зачем тебе снова к ним?
Разве ты знаешь, что там, в конце пути?”

Он думает, головой мотает: “Нет, ни хрена...
Кажется только, хорошее-то не ждёт...
Но ты посмотри на них — это идёт страна,
Это моя страна идёт, это мой народ!

И покуда я буду в силах — с ними пойду.
И боюсь не того, кто приходит в ночи, как тать,
Но боюсь, что останусь здесь, а они пропадут,
А вместе совсем не страшно и пропадать”.

И я смотрю на них, на него: дураком дурак
(Так смотрит на курицу изделие Фаберже),
И я понимаю, что этот барсучий тракт
Когтями царапает в чёрствой моей душе.

ПЕРВОМАЙ

Шёл развёрнутый транспарант
(Кумачов и заборист, сочен),
Шли рабочие на парад
Характерным шагом рабочим.

Улыбались уста у всех,
Отворялись уста, кричали,
Шёл по городу первый цех,
Первый цех — он всегда вначале.

А за первым — ещё цеха,
Словно очередь за получкой,
На трибуне цехам ЦК
По-отечески делал ручкой.

Я не знал тогда ни хрена
В этом чёртовом хороводе:
Ни того, куда шла страна,
Ни того, что страна уходит.

ПАЛЬТО И КОНЬ

Заходит конь, снимает пальто,
Проходит мимо столов, ребят,
И, вроде, так не глядит никто,
Но исподтишка глядят — глядят!

А он на них не глядит — идёт,
Садится, копытом делает знак,
И кто-то бежит и что-то льёт
И шаркает ножкой вот так... и так.

— А знаешь, — он говорит, — пацан,
Как завывают ветра погонь?
Когда надежду несёшь бойцам,
Вдыхая пули, штыки, огонь.
А как смеётся наотмашь сталь?
Как поднимаешься на дыбы
И понимаешь, что выше стал,
Что стал превыше смешной судьбы!

Тут конь встаёт, срывает пальто —
Безумный образ в дыму кадил —
И бешено мечет его на то,
В котором только что заходил.
Ребята долу отводят взгляд,
Кто нервный — тискает пистолет,
Чуть слышен шёпот среди ребят:
— В пальто не страшен... Опасен... Нет.

Ты знаешь, парень, а небо — жжёт!
На дурака ведь не нужен нож!
И он смеется, почти что ржёт:
— Чего мараться? Возьми, стреножь!
Потом он с вызовом ищет взгляд,
Но вроде как не глядит никто...
Уходит... Мимо столов, ребят...
Уходит так, как пришёл, — в пальто...